

Сериков Антон Владимирович
Южный федеральный университет,
Москва, Российская Федерация
avserikov@sfedu.ru

Институциональная среда в регионе как фактор молодежного экстремизма

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов распространения молодежного экстремизма в российских регионах. В этом качестве автор рассматривает региональную институциональную среду. В работе анализируются современные процессы, происходящие на региональном уровне, связанные с молодежной политикой, изменениями рынка труда, виртуализацией коммуникационных практик и адаптивными жизненными стратегиями молодежи.

Ключевые слова: экстремизм; молодежь; молодежная политика; регион; институциональная среда; социальный институт

Serikov Anton Vladimirovich
Southern Federal University,
Moscow, Russian Federation
avserikov@sfedu.ru

Institutional environment in the region as a factor of youth extremism

Abstract. The article is devoted to the study of factors of spread of youth extremism in Russian regions. In this capacity, the author considers the regional institutional environment. The work analyses modern processes taking place at the regional level, related to youth policy, changes in the labour market, virtualization of communication practices and adaptive life strategies of young people.

Keywords: extremism; youth; youth policy; region; institutional environment; social institute

В российских регионах сформировалась институциональная среда, в которой доминирующее место занимают модальные, общероссийские властные и общественные институты. Здесь следует также отметить, что региональная институциональная среда иерархизирована, часто характеризуется доминированием властных и силовых институтов. В этом контексте молодежному экстремизму сложно найти собственные ниши для реализации институциональных практик, действовать по логике неформальных конференций внутри молодежной среды.

Региональный рынок труда является недостаточным для достижения приемлемого уровня молодежной безработицы, несмотря на усилия по развитию инновационных ниш для молодежи, нельзя говорить об вовлечении молодежи в современные технологии, наукоемкие производства или молодежном среднем и малом бизнесе. Таким образом, институциональная среда содержит, с одной стороны, ограничения на реализацию теневых институциональных практик молодежного

экстремизма, с другой – накапливает зоны социальной напряженности в молодежной среде.

Очевидно, что курс на контролирующую функцию молодежной политики имеет свое позитивное значение для сдерживания и нейтрализации молодежного экстремизма и в то же время растет потенциал риска, связанный с возможной мобилизацией недовольной молодежи экстремистскими группами для проведения протестных акций.

Есть основания считать, что институциональная среда в большинстве регионов содержит сдерживающие факторы для того, чтобы реализовать потенциал молодежи через её доступ к социальным, властным и культурным ресурсам. Экстремистские организации, обладая достаточно скромными ресурсами, не могут действовать самостоятельно или создавать институциональные альтернативы. К тому же, бизнес-структуры, СМИ достаточно осторожно и неохотно идут на контакт с экстремистскими организациями, которые пытаются представить себя полезными в конкретных случаях, связанных с экономической деятельностью или проведением культурных акций.

Субкультурные практики являются хотя и минимальным, но недостаточным заделом для развертывания и актуализации экстремистской активности. Региональные элиты в большинстве своем, несмотря на определенную внутреннюю конфликтность, не склонны использовать экстремизм в качестве угрожающего или вынуждающего инструмента для того, чтобы добиться собственных выгод во взаимодействии с федеральной властью.

Это было возможно в ранний постсоветский период, но сейчас, когда действуют достаточно мощные апробированные регуляторы предупреждения, профилактики экстремистской деятельности, нельзя говорить о том, что через систему неформальных конвенций и договоров экстремизм может инфильтрироваться в институциональную систему общества, также как ограничены возможности экстремистов через рекрутацию кадров или создание «спящих» структур, паразитировать на ресурсах властных и общественных институтов. Эта картина, однако, не дает повод для самоуспокоения, поскольку жесткий каркас сложившейся региональной институциональной системы, не содержащей перспективу расширения коридора возможностей для молодежи, стагнирует ситуацию, делает возможным рост рисков молодежного экстремизма [Бедрик, Зарбалиев, 2018: 36–48].

Экстремистские группы действуют как неформальные, представляющие альтернативу официальным институтам. Здесь есть очень важный момент, связанный с тем, что для экстремистского поведения молодежи характерен негативизм, отклонение от официальных норм [Быкадорова, 2018: 80–83]. При этом легитимация экстремистского поведения осуществляется на основе принятия собственных неформальных норм, означающих, что для их последователей неформальные нормы есть то, что обеспечивает уровень свободы и является необходимым для проявления собственной активности.

Можно высказать предположение, что неформальные нормы являются двусторонними. С одной стороны, адаптирование к формальным, точнее использование лазеек в формальных нормах, с другой – установление собственных норм и практик [Социальные трансформации России, 2005]. Рассматривая неформальные нормы, присущие экстремистским организациям, акцент необходимо сделать на том, что их роль состоит не в том, чтобы защищать интересы молодежи, а стимулировать её на неограниченный протест. Недоверие институтам региональной власти не является стимулом для экстремистской деятельности.

Отвергая символические институты, отвергая контакты с общественными и религиозными структурами, экстремисты пытаются реализовать собственные институциональные практики. В 90-е годы это было связано с новыми религиозными сектами и неформальными организациями, которые часто работали на грани криминала. В нынешних условиях экстремисты пытаются, если не создать собственные институциональные образования, то через экстремистские практики выводить молодежь на отвержение действующих властных и общественных институтов по разным причинам (недоверие государству, старшим, отсутствие защиты подлинных интересов молодежи, ограниченность возможностей саморазвития и творчества). Все эти причины могут интерпретироваться в зависимости от социального адресата экстремистов [Серигов, 2019: 235–241]. Так со студенческой молодежью наблюдается стремление накопить символический капитал, утвердить себя если не лидерами, то независимой частью молодежи.

Создание сетей доверия в экстремистских структурах связано с существенным влиянием психических, этических норм и представлений, характерных для участников соответствующих сетей [Дискин, 2011]. В частности, активность экстремистов сконцентрировалась в интернете, где представляется слабым воздействие административно-правового ресурса. В результате формирования виртуальной концессии складываются новые правила игры, допускающие эффективность рискогенных действий. Здесь значимы различия между старыми традиционными способами, основанными на конфронтации с реальными властными и социальными институтами и, с другой стороны, рост сомнительных коммуникаций, которые становятся исходной площадкой для реализации не поддающихся гражданскому государственному контролю действий.

Имеется в виду, что, несмотря на попытки регулирования интернета, экстремисты действуют по правилу постоянного воспроизводства собственных коммуникаций. Ограничение деятельности выявленной структуры влечет за собой создание множества подставных или действующих с новым названием сетей. Фактически, государство призывают вступить в игру в «кошки-мышки», где результатом может являться раздражение молодежи по поводу усиления контроля и отвлечение власти на мониторинг незначительных событий, в то время как основная цель экстремистов – создание эшелонированной системы экстремистских

организаций. На интернет падает основная нагрузка по привлечению новых сторонников, особенно из молодежи, чуждой открытой протестной активности.

В этой связи следует отметить роль, которую в укреплении позиций экстремистов играет то, что региональная институциональная среда закрыта для молодежи и её функционирование обеспечивает только интеграцию элит и укрепляет отчуждение по отношению к молодежи и её реальным проблемам.

Рассматривая институциональную систему регионального социума как фактор взращивания или противодействия экстремизму в молодежной среде, следует также говорить о том, что основной акцент на административно-правовые и силовые институты достаточно оправдывает себя в том, чтобы сузить коридор возможностей распространения экстремистских практик, но оставляет практически незатронутой сферу формирования экстремистского сознания и экстремистского поведения.

Можно отметить дефицит институциональных ниш, способствующих культуре антиэкстремизма приобретает актуальные формы, так как среди молодежи высок процент (до трети) тех, кто разделяет ксенофобские, расистские, антипатриотические, в той или иной степени, суждения. Конечно, от вербального выражения к реальному действию немало шагов, в чем убеждаешься, когда речь заходит о готовности молодежи к протестным, принимающим антигосударственный характер акциям. Однако, есть смысл говорить о том, что в нынешних условиях вялотекущего кризиса, спорные оптимизации сферы образования и перевода культуры на коммерческие рельсы для экстремистов повышается шанс, связанный с тем, что действуя на уровне сподвижничества, демократизма, экстремистские группы в сфере увлечений молодежи формируют собственную идеологию, открыто не вступающую в конфликт с государственностью, но имеющую своей целью углубление недоверия молодежи к государственным и общественным институтам.

К сожалению, нужно говорить о том, что в сфере противодействия экстремизму слабо задействованы гражданские институты, особенно учитывая их полезный профилактический эффект в контексте того, что силовые институты, как правило работают по факту экстремизма, а наиболее перспективной является профилактика молодежного экстремизма, которая в регионе хотя и присутствует в качестве планируемого ориентира в молодежной политике, но реально не воплощается в конкретные антиэкстремистские акции.

Безусловно, решение такой масштабной проблемы, как формирование эффективной, а в данном случае качественной институциональной модели в региональном обществе, невозможно без активной государственной регулирующей роли и, вместе с тем, речь идет о том, что в качестве ключевого момента можно назвать создание институтов молодежного развития.

Неотъемлемой частью формирования институциональной системы является борьба за признание молодежи. Молодежь испытывает последствия неопределенности. В нынешних социально-экономических кризисных условиях возрастает запрос на

адаптивные стратегии молодежи, стратегии возвышающих возможностей меняются на стратегии приспособления к обстоятельствам, проявляется опасность роста экстремизма как последствия неудовлетворенности институциональной системой в целом.

В действительности сложившаяся региональная институциональная система согласована во взаимодействии с вертикалью власти, но в отношении молодежного экстремизма выступает разноуровнево, эклектично, действует из ситуации, в то время как здесь ясно прослеживается процесс рационализации, включения формальных каналов, позволяющих использовать инициативу, предприимчивость, инновационность молодежи. Пока же региональные власти проигрывают в сетевой войне, которая напрямую связана с информационным воздействием молодежи и в конечном счете формирует идеологическое восприятие экстремизма. Здесь важным является институциональный запрос на формирование новых культурных и поведенческих образцов молодежи, восприятие идей, идущих от неформальных объединений, ориентированных на эффект социальной полезности, особенно на лагуном уровне.

Библиографический список

Бедрик А. В., Зарбалиев В. З. Факторы распространения молодежного экстремизма на Юге России на современном этапе // *Caucasian Science Bridge*. 2018. Т. 1 № 1. С. 36–48.

Быкадорова А. С. Подходы к современному научному пониманию экстремизма: нормативно-правовое определение, социологическое измерение и отражение в массовой коммуникации // *Caucasian Science Bridge*. 2018. Т. 1. № 2. С. 80–83.

Дискин И. Е. Россия, которая возможна. М. Юрист, 2011. 175 с.

Сериков А. В. Региональная идентичность в контексте молодежного экстремизма в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 235–241.

Социальные трансформации России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. М., 2005. 583 с.